

памятные даты

МУЗЫКА
ПРОКОФЬЕВА
С НАМИ

Родион

ЩЕДРИН:

С. С. ПРОКОФЬЕВ на отдыхе.
МОСКВА, Подлипки,
лето 1945 г.

СЕГОДНЯ исполняется 80 лет со дня рождения лауреата Ленинской премии композитора Сергея Сергеевича Прокофьева.

В связи с этим событием, широко отмечающимся и в Советском Союзе, и за рубежом, «Литературная Россия» попросила секретаря правления Союза композиторов СССР Родиона Константиновича Щедрина ответить на ряд вопросов, связанных с творчеством Прокофьева и его значением в советском и мировом искусстве.

— По результатам одного из недавних мировых опросов о самом исполняемом сегодня композиторе первым был назван Сергей Прокофьев. В чем, на ваш взгляд, секрет его популярности?

— Прокофьев, бесспорно, классик двадцатого века, продолжатель лучших традиций русской классической музыки и основатель собственной традиции в музыке современной. Его вклад в искусство трудно переоценить. Причем все написанное этим композитором несет на себе отпечаток неповторимой индивидуальности. Эта индивидуальность и делает, на мой взгляд, его музыку столь полнокровно живущей сейчас. В чем она, эта индивидуальность? В отношении к мелодии, обретшей новое качество, очень красивой, широкой по диапазону. В гармоническом мышлении. В отношении к оркестру, фольклору, вокальной интонации. В недостижимом по сей день своеобразии его киномузыки, ставшей одной из драматургических основ его фильмов, а не просто музыкальным фоном или «комментарием». В музыке для детей. В музыкальной конструкции современной оперы, балета, оратории и кантаты. Практически — во всех музыкальных жанрах и формах Прокофьев сказал свое веское слово, причем очень современное по звучанию и максимально насыщенное сложными размышлениями и чувствами, рожденными не только «вечными» проблемами жизни, но прежде всего бурями нашего века.

И не случайно в репертуаре наших и зарубежных оркестров, исполнителей и музыкальных театров такое множество прокофьевских произведений: балеты «Ромео и Джульетта», «Сказ о каменном цветке», «Золушка», оперы «Война и мир», «Любовь к трем апель-

синам», «Семен Котко», «Ирок», «Повесть о настоящем человеке», «Обручение в монастыре» и другие. Сойдя с экранов, самостоятельную долгую жизнь обрела его музыка к «Поручику Кижэ», «Александр Невскому», «Ивану Грозному». Кроме того, думаю, Прокофьев потому еще дорог всем нам, что его музыка несет в себе редкостное по силе оптимистическое стремительное начало. Это — вершина, доступная далеко не всем, даже очень талантливым художникам. Прокофьев «взял» эту вершину.

— Родион Константинович, Прокофьева называют одним из самых современных композиторов. Видимо, это связано не только с его новым гармоническим языком и не просто с развитием в новом качестве известных уже музыкальных форм, но и с тематикой его сочинений?

— Безусловно. Притом надо отметить, что у него, как и у Дмитрия Шостаковича, — редчайшая гармония темы и музыкального решения. Фактически, все значительнейшие события жизни молодой Советской страны отразились в его творчестве с необычайной силой: революция и гражданская война («Семен Котко»), первые годы социалистического строительства (кантата «К двадцатилетию Октября»), колхозная деревня (кантата «Здравница»), Великая Отечественная война («Шестая симфония», «Повесть о настоящем человеке»), мирное созидание (оратория «На страже мира», «Седьмая симфония»).

Вместе с тем Прокофьев, развивая традиции Глинки и Мусоргского, вывел в музыке огромные деятельные народные массы, показал силу людей-борцов — это и в «Войне и мире», и в ораториях, и в кантате «Александр Невский». Серьезнейшее осмысление истории во всем ее драматизме, конфликтах и поворотах так же важно для него, как и осмысление современности. Вернее, одно нестлелимо от другого.

— Прокофьева часто называют новатором, даже в известной мере реформатором в музыке. В чем вы видите это новаторство?

— Оно непосредственно вытекает из того, что я уже сказал о его индивидуальности. Прокофьев никогда не «программировал» свое новаторство. Оно не было у него самоцелью. Была цель, требующая

активного творческого начала, какого-то нового взгляда, нового ракурса, и средства органически рождались этой целью. Новаторство — признак талантливости, а Прокофьев был гений. Ему все оказывалось по силам — и эпос, и героика, и лирика, и улыбка. И широкий исторический охват событий, и интимнейший мир любви, природы, русской сказки... Какое счастье, что у нас есть Прокофьев!

— А как вы лично открыли для себя Прокофьева?

— Как и большинство других его слушателей и почитателей — еще в детстве, впервые услышав «Александра Невского», «Золушку». Затем прокофьевскими откровениями для меня была Седьмая фортепианная соната, кантата «К двадцатилетию Октября», его Вторая симфония. Но главное — захватил его удивительный мелодический мир, высокая гражданственность. Такое чувство свойственно большинству слушателей Прокофьева. Но мне бы хотелось рассказать о самом сильном в моей жизни ощущении, связанном с его музыкой. Это было два года назад, в Париже, в дни советского музыкального фестиваля. Мне довелось присутствовать на открытии улицы Прокофьева в центре французской столицы. Улица была запружена людьми. А когда мэр Парижа сдернул покрывало с таблички с новым названием Rue de Prokofiev, величественно и мощно зазвучал хор из «Ивана Грозного». Это был непередаваемый момент радости, торжества русской музыки и утверждения памяти художника — сына своего народа и своей эпохи. Сейчас, в юбилейные прокофьевские дни, его музыка, как и всегда, с нами. И всякий раз, слушая ее, исполняешься чувством огромной гордости, что в твоей стране жил и творил такой гигант мирового искусства, как Сергей Сергеевич Прокофьев, первым из композиторов удостоенный Ленинской премии.

Интервью вела Н. ЛАГИНА